

УДК 323.2(470+73):004

Володенков С.В., Федорченко С.Н.

(г. Москва)

ФЛЭШМОБ КАК СЕТЕВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И США)

Аннотация. Работа нацелена на исследование феномена политического флэш-моба. Проанализированы беспорядки 2014 г. в американском Фергюсоне со схожими процессами, которые происходили в США в 2011 г. Показано, что усиление протестного движения в США оголило социальные проблемы американского общества, обозначив риски по усилению государства над правом и обществом. Рассмотрен тренд воздействия новых сетевых технологий на традиционные формы политического участия граждан. Выявлен коммуникационный механизм политических флэшмобов в России и США – политические хэштеги.

Ключевые слова: политический флэшмоб, политический менеджмент, сетевые технологии, Фергюсон, Интернет, США, виртуальная реальность, политические хэштеги.

S. Volodenkov, S. Fedorchenko

(Moscow)

FLASH MOB AS NETWORK TECHNOLOGY
OF MODERN POLITICAL MANAGEMENT
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND THE UNITED STATES)

Abstract. The work focuses on the study of the phenomenon of political flash mob. The authors have analyzed the riots of 2014 in Ferguson, the US with similar processes that occurred in the United States in 2011. It is shown that the strengthening of the protest movement in the United States has bared social problems of the American society, designating the risks of strengthening the role of the state above law and society. The impact of the new trend of network technology on the traditional forms of political participation is analyzed. The authors also identified the communication mechanism of political flash mobs in Russia and the US – political hashtags.

Key words: political flash mob, political management, networking technologies, Ferguson, the Internet, USA, virtual reality, political hashtags.

*Народ часто идёт навстречу своей гибели,
обманутый ложной видимостью блага...*
(Никколо Макиавелли «Рассуждения о первой
декаде Тита Ливия», LIII)

Эволюция сетевых форм политической коммуникации на современном этапе показывает ошеломляющие результаты. Аналитики буквально не успевают давать экспертную оценку новейшим технологиям политической активности. И в этом нет ничего удивительного – грань политического/неполитического, реального/виртуального всё больше смывается, внося свои коррективы в функционирование социума, а значит, провоцируя государственные институты как минимум на реактивные действия.

Политтехнологическая увертюра

Политический менеджмент отличается от традиционного государственного управления тем, что субъект управления не использует прямые силовые методы по отношению к объекту управления [12]. Важно понимать, что политический менеджмент – это не просто некая «сумма политтехнологий», а управление, основанное на принципах убеждения, компромисса, партнёрства и сетевой коммуникации (предполагающей большую роль горизонтальных связей, чем вертикальных). Одной из таких сетевых технологий является политический флэшмоб или политмоб.

Теоретически осмыслить сетевые технологии и коммуникации в своё время пытался ещё известный американский социолог Говард Рейнгольд, который писал, что спецификой нового типа общества станут так называемые «умные толпы» [22]. По мнению социолога, эти «умные толпы» для достижения своих целей будут организовывать с помощью технической базы так называемые флэшмобы.

Любопытно, что явление флэшмобов начало распространяться после того, как в октябре 2002 г. вышла книга Г. Рейнгольда «Умные толпы: следующая социальная революция» [23], в которой автор предсказывал, что люди будут использовать новые сетевые коммуникационные технологии (Интернет, сотовые телефоны) для самоорганизации. Это уже не первая книга, которая завораживала умы людей. Вспомним, что «Капитал» Карла Маркса тоже оказал значительное воздействие на мировоззрение интеллигенции, ставшей двигателем социально-политических трансформаций. Это в очередной раз доказывает, что не только экономические закономерности могут порождать изменение политических процессов, но и гуманитарная сфера способна серьёзно преобразовать социальную жизнь.

Флэшмоб (от англ. *flashmob*, где *flash* – вспышка, миг, мгновение; *mob* – толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») – это заранее спланированная массовая акция через социальные сети Интернет, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в общественном месте. Как правило, в течение нескольких минут мобберы с серьёзным видом выполняют заранее оговорённые сценарием действия и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны, как ни в чём не бывало. В США изучением подобных явлений заняты целые исследовательские коллективы [7].

Изначально активисты флэшмоб-движения открыто декларировали свои базовые ценности в виде лозунга «флэшмоб – вне политики, религии и коммерции». Между тем, как и многие другие социальные явления до этого, флэшмоб вскоре явил миру своё политическое лицо. «Классические» мобберы, придерживающиеся абсентеистских принципов, сразу же абстрагировались от этой новой формы, назвав её политическим флэшмобом, или политмобом. Их можно понять – «классические» мобберы не хотели проблем с правоохранительными органами и серьёзно опасались ужесточения законодательства, особенно в тех странах, где юридической матрицей оставалась англосаксонская правовая система, основанная на принципе судебного прецедента. Так или иначе, эти субкультурные фобии не отпугнули часть мобберов, переориентировавшихся на политическую аксиологию своих сетевых мероприятий.

Г. Рейнгольд в собственных работах предсказывал, что «умные толпы» будут помогать людям отстаивать свои позиции [23]. Получается, что всем своим коммуникационно-сетевым потенциалом флэшмоб шёл в собственном развитии к новой форме политической активности граждан. Конечно, равнять флэшмоб с политическими партиями некорректно. Ведь у него совсем другие принципы формирования – сетевые, основанные на горизонтальных, а не вертикальных связях.

Появление новой формы политического участия способно поколебать основы известной демократии. Американский аналитик Дж. Шуровьски объясняет это тем, что феномен децентрализации предоставляет дополнительные возможности «умным толпам» – совместное решение такой толпы будет более эффективным, чем навязанное из центра.

Социолог И. Эйдман развивает мысль Г. Рейнгольда об источниках флэшмобов – «умных толпах» – в своих работах. Эйдман предполагает, что интересы «умной толпы» как более современной и демократичной формы самоорганизации людей неизбежно войдут в противоречие с властью старых политических элит, ориентированных на сохранение статус-кво. Затем появится ответная реакция контр-элиты интернет-революционеров органи-

зывать действия «умной толпы», сделать их целенаправленными и эффективными. С помощью информационных технологий люди, составляющие эту «умную толпу», начнут объединяться вокруг решения тех или иных конкретных задач: будь то отставка политика-коррупционера или злоупотребляющего своими полномочиями чиновника, протест против роста цен, войны, несправедливого законодательства, повышения налогов и т.п. Другими словами, развитие интернет-общества формирует новую альтернативу существующему социуму. Формула «общества-фабрики» заменяется на концепт «общества-сети». В таком обществе политическая и экономическая системы основываются уже не на вертикальных иерархических, а на горизонтальных, свободно формирующихся социальных сетях [10]. Сетевым проявлением прихода такого общества и является политический флэшмоб.

По мнению социолога, приход общества будущего, построенного на новых сетевых горизонтальных принципах коммуникации людей, будет происходить в условиях нарастания социальных противоречий. Исследователь предсказывает, что на основе популяризации интернет-технологий сначала последуют социальные изменения, а затем и политические. К примеру, социальной и творчески активной части интернет-сообщества для того, чтобы отстоять свободу самовыражения, защитить её от корпоративной манипуляции, необходимо будет постепенно объединиться в систему социальных сетей. Потом начнётся борьба с транснациональными корпорациями, в ходе которой социальные сети серьёзно окрепнут и станут политической силой.

В будущем социальные сети типа «Е-общество 2.0», как отмечает социолог, станут опираться на принципы персонального социального взаимовыгодного сотрудничества (на базе технологий р2р) без транснациональных корпораций [11]. Эти принципы уже вполне подходят под партнёрский и компромиссный формат приёмов современного политического менеджмента.

Эйдман продолжает, что сети класса «Е-общество 2.0», дающие пользователям возможность реализовывать свои социальные и творческие мотивации без манипулятивного посредничества транснациональных собственных структур, смогут стать наиболее популярными и со временем вобрать в себя большую часть интернет-сообщества. Мировая социальная сеть «Е-общество 2.0» будет, по сути, виртуальным слепком гражданского общества будущего.

И. Эйдман делает вывод, что за счёт этого появится среда для формирования общества прямой демократии, свободного распространения информации, социальной системы без частной собственности и наёмного труда, эксплуатации и манипуляции. Сети могут стать своеобразными городскими, региональными или республиканскими интернет-парламентами. Базовой

целью такого общества станет создание гарантий для свободной творческой самореализации каждого его члена. По мнению социолога, объективные условия для формирования подобного общества сложились в большинстве развитых стран Европы, Северной Америки и Дальнего Востока.

С выводом Эйдмана о наступлении нового типа сетевой демократии можно поспорить. Ведь виртуальные технологии, как и сам политический менеджмент, всего лишь механизм без чёткой и прочной аксиологии. Сетевые технологии политического менеджмента могут использоваться не только во благо развития институтов демократии, гражданского общества, ограничения транснациональных корпораций, в целях борьбы с коррупцией и т.п. Иногда это явление исследуется в рамках концепта сетецентричной электронной демократии [9].

Приёмы сетевых технологий, в том числе и политмоб, могут инициироваться внутренними и внешними акторами для дестабилизации геополитической обстановки, раскрутки «цветных революций», свержения политического режима, а также для провокации межэтнических, межрасовых и межконфессиональных конфликтов. Так что идеализировать сетевую природу политмоба как двигателя эффективизации демократии совсем не имеет смысла.

Вместе с тем, мысль социолога о трансформации флэшмоба в новую форму политического участия граждан требует самого глубокого осмысления. Это убеждение вполне встраивается в современный научный дискурс вокруг проблемы адекватности института политических партий. Естественно, флэшмоб не может полностью заменить партийную систему, однако вызовы современности приводят к своеобразной перенастройке традиционных политических институтов. Так, канадский политолог Крафорд Макферсон давал резкую оценку роли современных партий. Он пришёл к довольно мрачной мысли, что псевдодемократическое соперничество сегодняшних партий скрывает под покрывалом политической игры лишь конкуренцию элитных группировок, известную человечеству с глубокой древности [8, с. 104–117].

Приходится констатировать, что нынешняя демократия превратилась в политический симулякр, в своего рода политическую мифологию со своим священным писанием – конституциями, законами и сакральным пантеоном в виде так называемых «отцов-основателей» и популярных политиков. Особенно это заметно на примере США. Отсюда и абсентеизм, рост разумного скепсиса населения по отношению к демократической практике, на деле не осуществляющей политическую репрезентацию, а предлагающей гражданам интересное шоу в лучших традициях маркетинговых приёмов. Всё это и создаёт питательную среду для новых форм сетевой политической коммуникации и участия, в том числе и для такой как политмоб.

Эволюция американских политмобов: Е-общество 2.0 или новый Левиафан?

Во что же превращается современный флэшмоб – в новую форму демократической активности, либо становится очередным Левиафаном в гоббсовском понимании? Попробуем это понять на примере последних американских событий, которые у всех на слуху.

Беспорядки в городах США начались после того как 9 августа 2014 г. 18-летнего афроамериканца Майкла Брауна застрелил полицейский Даррен Уилсон. Инцидент произошёл в пригороде Сент-Луиса Фергюсоне (штат Миссури) [16]. После того, как коллегия присяжных отказалась выдвинуть обвинение в убийстве полицейскому, многие американцы были арестованы за криминальные действия – нападение или кражи со взломом, затем большая часть арестов осуществлялась за отказ людей разойтись в публичных местах [19]. В некоторых акциях протестующих можно усмотреть все признаки современного политического флэшмоба как реакции на действия властей. Но подобные флэшмобы уже не впервые проходят в США.

Вспомним 2011 г. Тогда в американских городах появились аналогичные акции. Американский флэшмоб, изначально развиваясь как новейшая форма интернет-развлечения, стала преобразоваться в политическую технологию. Во внешне благополучной Америке *политический флэшмоб стал агрессивной ответной реакцией людей на их ущемление по расовому, национальному и социальному признакам*. До того, как возникли нашумевшие акции в городе Чикаго штата Иллинойс, американскими экспертами уже фиксировались гиперсегрегация горожан по расовому признаку. Чикаго был фактически разделён на социально-экономически благополучный «белый Север» и бедный «афроамериканский Юг». Политика апартеида властей города хорошо была видна и в системе образования. Итогом этой политики стало то, что большинство афроамериканцев и, кстати, испаноязычных чикагцев оказались в ловушке академически отстающих школ в бедных районах города.

После того, как ситуация в образовании привела к появлению целого поколения отчаявшихся, афроамериканская молодёжь Чикаго решила, что ей терять нечего и стала использовать социальные сети Интернета, смартфоны и мобильные телефоны для координации своих действий в нападениях на богатых американцев. Выглядело это так – афроамериканская молодёжь, выследив жертву, с помощью коммуникационных устройств устраивала на её пути акцию, отвлекая внимание, потом происходило ограбление. Кстати, эти процессы социального размежевания и политической маргинализации логично считать результатом деятельности американской

Демократической партии, которая удерживала власть в городе в течение несколько десятилетий и проводила откровенную политику апартеида.

Ареал таких флэшмобов быстро разрастался уже в то время. Афроамериканские акции появились в Венис-Бич и Вашингтоне (округ Колумбия). Американский эксперт Д. Браун приводил следующие данные: из 129 предприятий розничной торговли 94,5 % стали жертвами подобных нападений в прошлом году. 84,8 % продавцов заявили, что ситуация только ухудшалась на протяжении трёх лет. Такие же флэшмобы стали организовывать в Балтиморе, Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и других американских городах [10].

Ещё в 2011 г. отдельные американцы предлагали разрешить использовать против мобберов огнестрельное оружие, другие требовали увеличить численность полиции для поддержания достаточного уровня безопасности. Власти Чикаго обеспокоились и стали принимать некоторые меры по мониторингу социальных сетей, а также разворачивать дополнительные ресурсы для разгона мобберных групп. Тем не менее, это не улучшило ситуацию на улицах американских городов. Как отмечал американский аналитик Филипп Джексон [10], большинство из мобберов, нападающих на богатых американцев и магазины, бедные горожане, которые происходят из неполных семей. По мнению аналитика, *это не обычный криминал – отчаявшаяся афроамериканская молодёжь выражает своё чувство справедливости в способности создавать флэшмобы, которые представляют серьёзную угрозу для богатых американцев.*

Призывы изменить законодательство по оружию – это первый признак тлеющего кризиса американского социума. Как ни парадоксально звучит, но именно «Е-общество 2.0», виртуализация политической сферы и появление агрессивных флэшмобов стало провоцировать часть американцев заново задуматься о Рубиконе между гражданским обществом и государством. Многие законопослушные граждане действительно испугались этих процессов, открыв своими страхами дорогу не просто увеличению контингентов полиции в отдельных городах, а усилению политического дискурса о новой роли Левиафана – американского государства. Тут невольно вспоминается речь канцлера Палпатина об установлении империи на руинах республики для стабильности и безопасности общества в космической опере «Звёздные войны» Джорджа Лукаса, которую буквально пронизывает политическая философия.

Рано или поздно американцам придётся выбирать между безопасностью и демократией. Нельзя исключать, что часть политической элиты в условиях социального брожения может попытаться удержать власть путём флэшмоб-провокаций для создания в обществе атмосферы тотального страха. *Созданный таким образом новый политический симулякр будет на-*

целен не на выстраивание «Е-общества 2.0», а на формирование новой политической системы, создание «Е-государства 2.0», отдающего предпочтение не правам человека, а внутренней стабильности страны.

На этом фоне уместно привести рассуждение Данило Дзоло. Итальянский политолог заметил, что благодаря современным электронным технологиям обладатели власти получили такие способности собирать информацию и манипулировать ею, что даже демократические институты стали приобретать черты небезызвестного Паноптикона, где за лишёнными всякого личного мировоззрения гражданами присматривают соответствующие структуры. Дзоло пишет, что крайняя техническая сложность политических проблем современности способствует сохранению приёмов *arsana impregii* (манипулятивных властных техник), фактически изымая управление из компетенции общественности, состоящих из граждан, не обладающих достаточными техническими и научными знаниями для понимания решаемых государственных задач [6, с. 192].

В понимании Дзоло основной функцией любой современной политической системы является уменьшение страха посредством селективного регулирования социальных рисков и конкурентного распределения ценностей безопасности. Отсюда эффективность политической власти определяется тем, насколько она способна уменьшать сложность и риски социума.

Тревожных сигналов для американского общества и его политической элиты было предостаточно. Так, согласно социологическому опросу, летом 2011 г. 90 % молодых чёрнокожих мужчин в Чикаго от 16 до 19 лет являлись безработными, лишь три из 100 афроамериканцев получали степень бакалавра к 25 годам. Причём на тот момент 70 % чёрнокожих детей в Америке рождались в бедных семьях [11]. Иными словами, такие флэшмобы афроамериканцев в городах США имеют под собой серьёзный социально-экономические причины. Афроамериканцы понимают, что действующие американские политические партии не способны представлять их интересы, поэтому и возникает такая агрессивная реакция в виде политмобов.

Так как афроамериканская молодёжь не может получить качественное образование и её постоянно преследует безработица, то любой флэшмоб может претендовать на статус нетрадиционной политической акции. Вот одно из протестных сообщений афроамериканских мобберов того времени: «Вы не можете управлять нами! Вы не пугаете нас! Ваша полиция не пугает нас! Ваши тюрьмы не пугают нас! Мы сильнее вас! Мы берём то, что у вас есть, потому что вы дали нам немного вариантов в жизни для зарабатывания... Что мы можем потерять? На этот раз мы более сильны, чем вы!» [18]. Иными словами, афроамериканская молодёжь и до Фергюсона была недовольна сложившимся обществом в США.

Современный американский кейс: демократия versus безопасность?

Как видно, предпосылки для политизации (и даже криминализации) флэшмоба в США давно вызревали, и нужен был только повод для социального взрыва. Им и стали события в Фергюсоне, которые в очередной раз вскрыли расовые антагонизмы американского общества. Не случайно в американской печати неоднократно отмечался тот факт, что расовый состав полиции в том же Сент-Луисе не совпадал и не отражал расовый состав этого города [21].

Можно выявить конкретные признаки появления политмоба в Фергюсоне. Обычно мобберы собираются на политический флэшмоб посредством распространения информации в социальных сетях Интернета о смысле, месте, времени и сюжете акции. Во время начала политмоба у не имеющих отношения к акции людей обязательно должно сложиться впечатление, что мобберы – такие же случайные прохожие, как и все. Вот почему мобберы стараются не общаться друг с другом до, во время и после акции в месте проведения. Такими простыми правилами безопасности достигается минимум контакта с властями. С другой стороны, часто политтехнологи, связанные с мобберами, специально «наводят» СМИ и правоохранные органы на место и время флэшмоба для популярности той или иной идеи, человека и т.п. После акции в целях собственной безопасности мобберы могут мгновенно разойтись с места действия в разные стороны, не подавая виду, что произошло что-то необычное. На практике политмоб исключает обычную для классического флэшмоба афтерпати – вечеринку знакомств. Участникам мероприятия даже рекомендуется некоторое время оставаться дома и не участвовать в активной политической и общественной жизни [5, с. 107–108].

Есть прямые доказательства, что уже в августе 2014 г. флэшмобы организовывали американские активисты через Twitter и Facebook. В одной из таких акций планировалось собрать людей посредством социальных сетей в 90 городах в 35 американских штатах (рис. 1). Использовались так называемые политические хэштеги¹ (*#MikeBrown*, *#NMO14* и др.) [17].

К так называемым бдениям была обозначена цель национального флэшмоба в виде понятного лозунга – «Мы хотим, чтобы люди собрались вместе и оплакивали потери». Отрадно, что политические хэштеги как

¹ Политический хэштег представляет собой какое-нибудь слово или фразу с политическим смыслом, которым предшествует символ # (например, *#MikeBrown*). Хэштеги могут использоваться для быстрого и удобного объединения группы сообщений с конкретными политическими целями (сетевая координация флэшмобов, агитация, обсуждение политических новостей и действий власти, призыв дать оценку законопроекту, подписать петиции, начать традиционные протестные акции, мобилизация масс и т.п.).

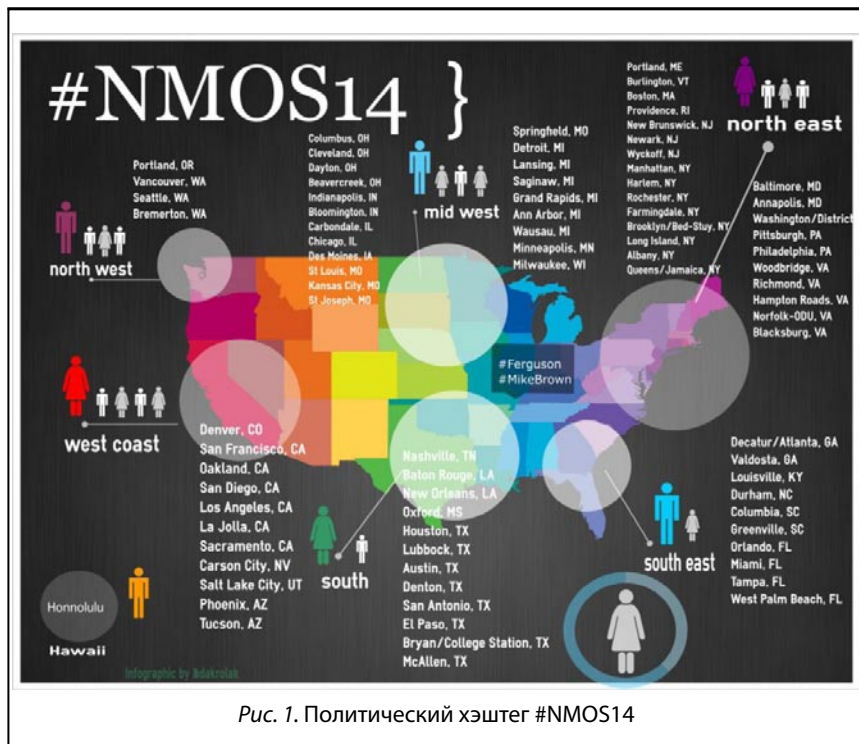

Рис. 1. Политический хэштег #NMOS14

уникальный феномен уже анализируются в работах российских специалистов в области политического менеджмента и сетевой коммуникации [3, с. 264–267].

Ноябрь 2014 г. также отметился флэшмобами. Например, собственникам «Галереи Сент-Луиса» пришлось закрыть торговый центр, так как в нём собрались десятки людей и устроили флэшмоб, почтив память убитого Майкла Брауна 4 минутами молчания, лёжа на полу торгового комплекса. Тогда как в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Чикаго и Сиэтле сотни граждан намеревались сорвать день распродаж – традиционную в США «Чёрную пятницу». Люди собирались целыми толпами у торговых центров, выкрикивая следующую фразу: «Если мы не получаем никакой справедливости, они не получают никакой прибыли» [13].

В декабре 2014 г. американцы приняли участие в флэшмобе «Выходите с поднятыми руками». Название послужило своеобразной метафорой к процедуре задержания человека – участники акции все по команде подняли руки, как это делается по просьбе полиции, а потом изобразили из себя застреленных, воссоздавая события в Фергюсоне [1]. Широкий резонанс

подобные флэшмобы получили тогда, когда к ним стали примыкать афроамериканские спортсмены. Кстати, постепенно политмобы стали терять свой афроамериканский оттенок – к ним решили присоединиться и белые граждане США.

Ситуация ещё больше накалилась, когда суд Стейтен-Айленда, пригорода Нью-Йорка, отказался от расследования смерти афроамериканца Эрика Гарнера, который умер летом 2014 г., предположительно, после удушающего захвата полицейским (рис. 2).

Специализирующаяся на твиттер-аналитике фирма Topsy свидетельствует, что уже в первые часы после оглашения судебного решения объём новых твиттов с одним лишь хэштегом *#EricGarner* достиг 69 тыс. в час. К вечеру на улицы Нью-Йорка стали выходить рассредоточенные группы недовольных, которые приступили к точечной блокировке зданий и улиц.

Эффект от политического хэштега *#EricGarner* был замечен – порядка 30 активистов прорвались в здание Центрального вокзала и устроили флэшмоб. Они легли на пол терминала, изображая погибшего Гарнера [24]. Около 150 мобберов прошли маршем через Манхэттен, остановившись на Таймс-сквер. Участники планировали дойти до места торжественного зажжения главной рождественской ёлки в Рокфеллер-центре, однако не смогли преодолеть баррикады полиции. Хотя некоторые мобберы всё же смешались с толпой туристов и достигли Рокфеллер-центра, однако незамотивированная толпа их речёвки не подхватила, а оркестр начал исполнять Синатру. Схожие акции протеста прошли также в Атланте, Вашингтоне и Стейтен-Айленде.

Рис. 2. Пример хэштега *#EricGarner*

Как и в Сент-Луисе, в Стейн-Айленде важнейшей подоплёкой политизации флэшмобов была расовая сегрегация. В обоих случаях беспорядки с помощью социальных сетей быстро перекинулись из пригородов в соседние города. К слову, американское либеральное издание «The Vox» опубликовало серию материалов, из которых следовало, что у темнокожих подростков вероятность быть застреленными полицией в 21 раз выше, чем у белых [20]. У латиноамериканцев также отмечаются большие риски быть застреленными представителями закона, чем у белых американцев.

Как показал краткий анализ американских политических флэшмобов 2011 и 2014 гг., причины у этих данных форм политического участия и сетевой коммуникации довольно схожие – города США по-прежнему испытывают проблемы с расовой сегрегацией (от системы образования до трудоустройства и социализации). Общим является и механизм американских политмобов – и в 2011, и в 2014 гг. мощной коммуникационной площадкой стал Интернет со своими социальными сетями. *Правда, большую роль в 2014 г. в организации флэшмобов стали играть так называемые политические хэштеги.*

Активизация протестного движения в США оголила социальные проблемы американского общества, обозначив риски по усилению государства над правом и обществом. Если такой тренд будет сохраняться, то американская политическая элита может попытаться сохранить власть, подготовив общество к переходу «Е-общества 2.0» к «Е-государству 2.0».

Также нельзя не отметить тот факт, что американские политтехнологи, получив серьёзный опыт в организации и раскрутке «цветных революций» в Сербии, Грузии, Киргизии, Египте, Украине и других странах, открыли настоящий ящик Пандоры. *Возник своеобразный «эффект бумеранга», когда ненасильственные техники по свержению неудобных Вашингтону политических режимов проникли в свою новую питательную среду – афроамериканскую молодёжь, вооружённую сетевыми технологиями.*

Афроамериканская молодёжь осознаёт своё положение и последовательно выстраивает образ врага из действующей власти. Если демографические тренды в США сохранятся, то в будущем американской политической элите придётся пересматривать сложившееся соотношение сил между государством и гражданским обществом, выбирать между демократией и безопасностью. Кроме того, полностью не изучены риски потенциала протестной активности латиноамериканского населения США. Но это – уже тема другого исследования.

Применение хэштегов в российской политической практике

Следует отметить, что технология политических хэштегов активно применяется в российском сегменте интернет-пространства пользователями социальных медиа для стигматизации и формирования ярлыков по отношению к различного рода общественно-политическим событиям, процессам, явлениям, а также по отношению к институтам власти и известным политическим лидерам [2; 4].

Политические хэштеги как инструмент маркирования и пропагандистского воздействия сегодня стали одним из наиболее активно используемых

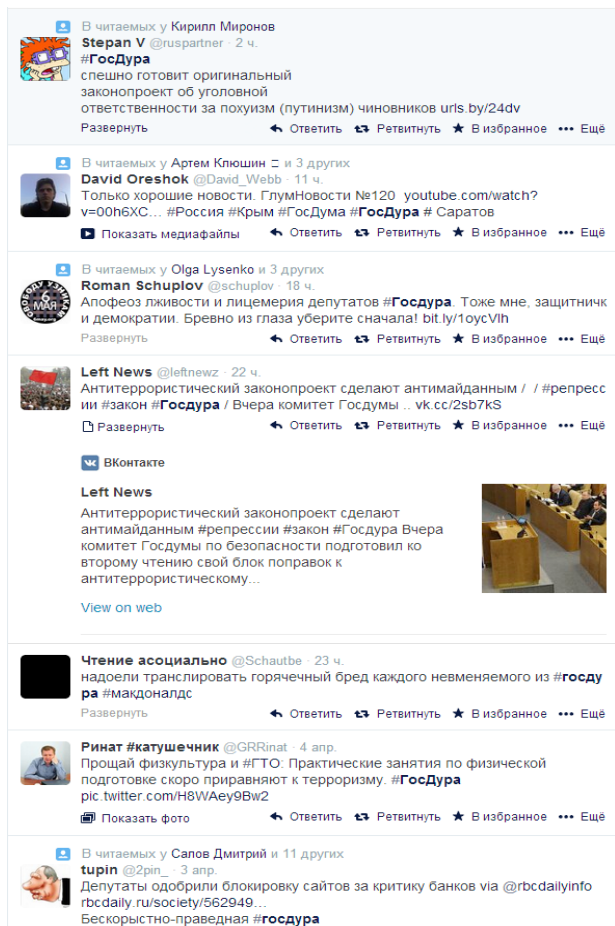

Рис. 3. Работа хэштега #госдура

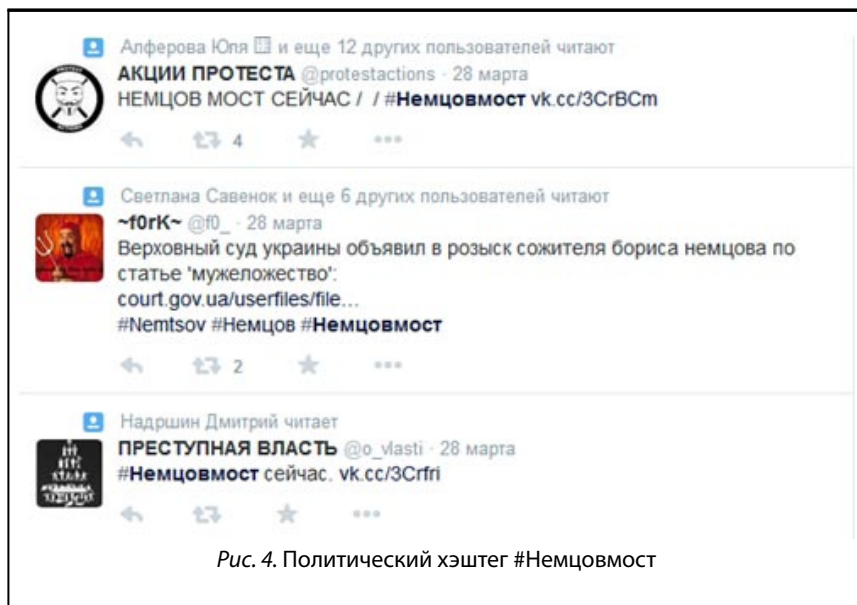

Рис. 4. Политический хэштег #Немцовмост

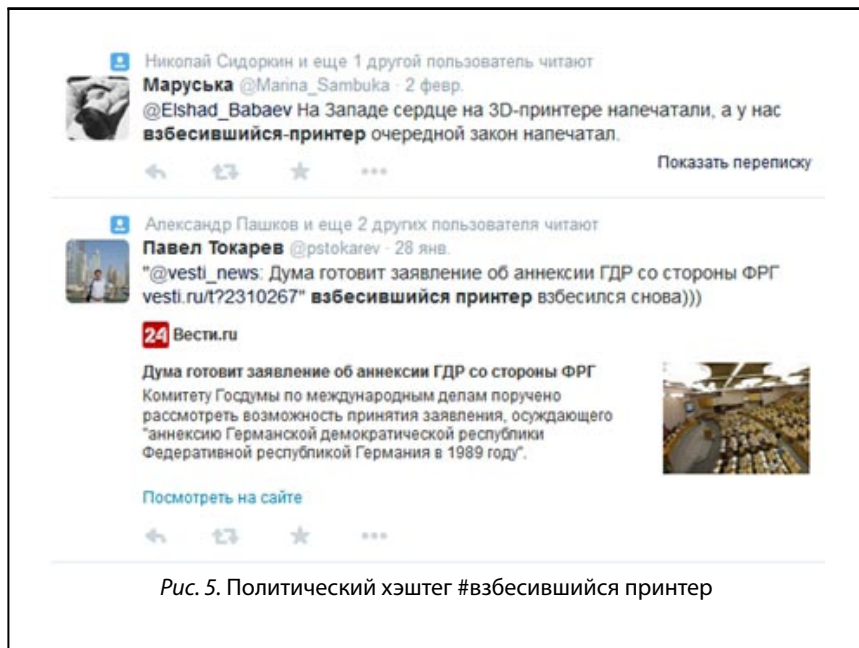
инструментов информационного противоборства в публичном политическом пространстве.

В качестве наиболее ярких примеров мы можем привести хэштеги *#госдура* и *#взбесившийся принтер*, призванные маркировать в общественно-политическом пространстве Государственную Думу РФ и её деятельность [14], а также *#Навальный*, нацеленный на формирование в среде интернет-пользователей атмосферы массовой поддержки одного из лидеров российской оппозиции Алексея Навального.

Кроме того, в качестве одного из самых свежих примеров из отечественной политической практики мы можем привести хэштег *#Немцовмост*, маркирующий Большой Москворецкий мост в качестве моста имени Немцова, что, безусловно, является одним из проявлений оппозиционной гражданской активности в сети [15].

Заметим, что со стороны так называемых блогеров-охранителей также осуществляется активная работа по формированию общественно-политических хэштегов. Так, например, в годовщину воссоединения России и Крыма в российском сегменте Twitter был сконструирован и массово распространён хэштег *#КРЫМЭТОРОССИЯ*.

По сути, современное информационное противоборство в публичном общественно-политическом пространстве, в которое включено значительное число интернет-пользователей, предполагает активное задействование хэштегов как инструмента артикуляции интересов и настроений различ-

ных политических сил. При этом массовость использования популярных хэштегов в общественно-политических дискуссиях позволяет говорить о них как об одной из форм современного флэшмоба.

Данная тенденция характерна не только для России, но и для большинства западных технологически развитых демократий, в которых интернет стал пространством общественно-политических дискуссий и информационной борьбы.

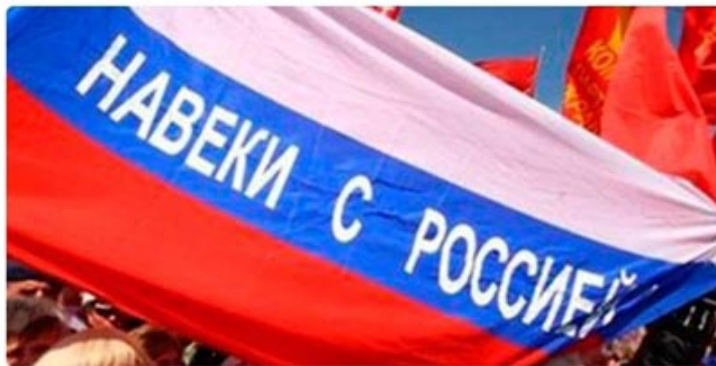
Заключение

Ойкумена применения интернет-технологий всё больше расширяется. Эти приёмы становятся всё разнообразнее и изощрённее в сегменте организации политических акций. Виртуализация политической сферы стирает чёткие ранее грани политического и неполитического, политизированного и неполитизированного. Даже самые стойкие абсентеисты уже не могут разобраться в том коктейле социальных, экологических, коммерческих и других акций, которые часто на деле скрывают политизированные смыслы мероприятий.

Политический флэшмоб не просто стал новейшей сетевой формой политического участия, своего рода альтернативой более традиционной модели – партийной мобилизации, этого сами мобберы не заявляют. Срав-

Tencb @Tencb · 19 марта
Сегодняшние тренды вдохновляют на лучшие перемены
#КРЫМЭТОРОССИЯ #МыВместе #КрымНаш #АмерикаНаДне

Показать фото

#RussianSpring читает

_skunkHour @_skunkHour · 19 марта
Отпраздновали годовщину на славу! Классный был концерт) #МыВместе
#КРЫМЭТОРОССИЯ

Рис. 6. Пример хэштега #КРЫМЭТОРОССИЯ

нительный анализ показал, что современные политмобы практикуются и организуются с помощью механизма политических хэштегов – удобного приёма пропаганды и, одновременно, мобилизации сторонников той или иной акции, идеи, организации, движения.

Усиление протестного движения в США обнажило социальные проблемы американского общества, обозначив риски по усилению государства над правом и обществом. Американская политическая элита постепенно подходит к проблеме соотношения ролей «Е-общества 2.0» и «Е-государства 2.0».

Кроме того, возник своеобразный «эффект бумеранга», когда ненасильственные техники по свержению неугодных Вашингтону политических режимов проникли в новую питательную среду – афроамериканскую молодёжь, вооружённую современными сетевыми технологиями. Подобные кейсы современной американской политики следует самым скрупулёзным образом изучить отечественным политологам, а также, конечно, российской власти.

Литература

1. Американцы провели общенациональный флэшмоб в поддержку протестующих в Фергюсоне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unn.com.ua/ru/news/1413156-v-ssha-proyshov-zagalnonatsionalniy-flesh-mob-na-pidtrimku-protestuvalnikiv-u-fergyusoni> (дата обращения: 28.12.2014).

2. Володенков С.В. Твиттеромания по-русски, или Станет ли сервис микроблогов площадкой для политической коммуникации в России // Советник. 2010. № 7. С. 10–15.

3. Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями. М.: МГУ, 2012. 312 с.

4. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Московского университета, 2015. 272 с.

5. Гатищ А.Э., Лушников Д.А. Технологии «цветных революций». М.: РИОР, 2010. 132 с.

6. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ВШЭ, 2010. 320 с.

7. Каневский М. Мобильный дозор. OSМыСливая политику. М.: Европа. 2006. 160 с.

8. Макферсон К. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: ВШЭ, 2011. 176 с.

9. Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц О.К. Сетецентрические методы в государственном управлении. М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. 146 с.

10. Федорченко С.Н. Политический флэшмоб – предвестник нового общества? // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 6 (20). Т. 4. С. 24–30.

11. Федорченко С.Н. Политический флэшмоб как отражение проблем современной молодёжи: анализ российского и международного опыта // Материалы II Всероссийской научной конференции «Россия 2030 глазами молодых учёных». М.: Научный эксперт, 2012. С. 65–72.

12. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 200 с.

13. Фергюсон: беспорядки и митинги продолжаются [Электронный ресурс] URL: <http://bw4u.ru/news/59/1694/> (дата обращения: 28.12.2014).

14. #госдура [Электронный ресурс] URL: <https://twitter.com/hashtag/госдура> (дата обращения: 08.04.2015).

15. #немцовмост [Электронный ресурс] URL: <https://twitter.com/hashtag/немцовмост> (дата обращения: 08.04.2015).
16. Documents Released in the Ferguson Case // The New York Times. 2014. November 25.
17. *Freelon K.* The #nmos14 started on Twitter, organized on Facebook, and looks to connect people IRL tonight // The Washington Post. 2014. August 14.
18. *Jackson Ph.* Young Black Men, and The Power of Flash Mobs! [Электронный ресурс]. URL: <http://thyblackman.com/2011/06/13/young-black-men-and-the-power-of-flash-mobs/> (дата обращения: 05.07.2014).
19. *Keating D., Rivero C., Tan Sh.* A breakdown of the arrests in Ferguson // The Washington Post. 2014. August 22.
20. *Lind D.* Black teens are 21 times more likely to be shot by cops than white teens // The Vox. 2014. October 11.
21. *Lowery W., Leonnig C.D., Berman M.* Even before Michael Brown's slaying in Ferguson, racial questions hung over police // The Washington Post. 2014. August 13.
22. *Rheingold H.* Net Smart: How to Thrive Online. Cambridge: The MIT Press, 2012. 336 p.
23. *Rheingold H.* Smart Mobs: The Next Social Revolution. New York: Basic Books, 2002. 266 p.
24. *Yee V.* 'I Can't Breathe' Is Echoed in Voices of Fury and Despair // The New York Times. 2014. December 3.